

проблема централизации государства. Машина самодержавия поглощает институты Новгородского и Псковского вече, через самодержавную власть Русь идет к возрождению своей государственности после татаро-монгольского ига. Уже не первое столетие правит династия Романовых, к которой принадлежат Петр I, Елизавета I, Екатерина II, чьи заслуги перед Отечеством неоспоримы. Их потомок Александр I, ставший либеральными взглядами, для Н.М.Карамзина представляет образ просвещенного монарха, чье правление несет благо государству и обществу. Русский историк выступает за мирный путь развития, за легитимный характер власти. В письме к И.И.Дмитриеву он пишет о восстании на Сенатской площади: «Вотъ нелѣпная трагедія нашихъ безумныхъ Либералистовъ! Дай Богъ, чтобы истинныхъ злодѣевъ нашлось между ими не такъ много! [5, с.412]». Все эти положения объясняют на первый взгляд противоречивую фразу Н.М.Карамзина: «Не требую ни Конституции, ни *Представителей*, но по чувствамъ останусь республиканцемъ, и притомъ вѣрнымъ подданнымъ Царя Русскаго: вотъ противорѣчїе, но только мнимое!» [5, с.249].

Для большинства исследователей является аксиомой то, что П.И.Пестель в конце 1819 – начале 1820 года переходит на республиканскую позицию. Однако, он рассматривает республику, во-первых, как идеальную форму правления, во-вторых, как одну из потенциально возможных линий развития России. Парадоксальный факт: именно в решении вопроса о власти декабрист не всегда является последовательным в своих размышлениях и действиях. Интересно воспоминание И.Д.Якушкина о варианте конституции 1820 года: «В это время Пестель замышлял республику в России, писал свою «Русскую Правду». Он мне читал из нее отрывки и, сколько помнится, об устройстве волостей и селений. Он был слишком умен, чтобы видеть в «Русской Правде» будущую конституцию России. Своим сочинением он только приготавливался, как он сам говорил, правильно действовать в Земской думе и знать, когда придется, что о чем говорить [1, с.37]». К этому можно добавить противоречивые показания Северян о программе декабриста на Петербургском совещании 1824 года, отсутствие письменного текста с разработкой проблемы власти. Вероятно, многое зависело от реальной политической обстановки и авторитета П.И.Пестеля в тайном обществе.

В итоге акцентируем ряд положений. Лидер Юга проходит долгий и сложный путь эволюции взглядов. На него оказывают влияние как западноевропейские просветители и революционеры, так и российские реформаторы. «Русская Правда» имеет самобытный характер, поэтому вряд ли следует говорить о влиянии данных авторов и событий непосредственно на ее текст, однако необходимо признать это влияние на эволюцию взглядов декабриста в целом.

Источники и литература

1. Записки, статьи, письма декабриста И.Д.Якушкина. – М.: Изд-во АН СССР, 1951. – 740 с., ил.
2. Зайончковский П.А. К вопросу о библиотеке П.И.Пестеля // Историк-марксист. – 1941. – №4. – С. 86-89.
3. Лорер Н.И. Записки моего времени. Воспоминание о прошлом // Мемуары декабристов. – М.: Правда, 1988. – С.313-545.
4. Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. Исследования и статьи по эпохе Александра I. СПб.: Академический проект, 2000. – 560 с.
5. Письма Н.М.Карамзина къ И.И.Дмитриеву. – СПб: Типографія Императорской Академии Наукъ, 1866. – 483 с.
6. Восстание декабристов. Документы. Т.VII. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1958. – 692 с.

Рудницкая Е.С. МОДЕЛЬ ЛЮБОВНО-АВАНТЮРНОГО РОМАНА В АНТИЧНОЙ И ВИЗАНТИЙСКОЙ ЭПОХАХ

Роман является наиболее популярным и часто исследуемым объектом в литературоведении. Вместе с тем имеется достаточно много неразрешенных вопросов, касающихся жанрового разнообразия романа, причин его возникновения и развития на протяжении долгого времени. Цель нашего исследования – показать, как развивается модель любовно-авантюрного романа с античности до византийской эпохи. Объектом нашего исследования стала жанровая разновидность романа - авантюрно-любовный роман и его модель, а предметом исследования – модельные тексты «Эфесская повесть, или Габроком и Антия» Ксенофонта Эфесского, «Левкиппа и Клитопонт» Ахилла Татия, «Эфиопика» Гелиодора, «Повесть об Исминие и Исминии» Евмафия Макремволита, «Повесть о Дросилле и Харикле» Никиты Евгениана. В качестве гипотезы мы предлагаем структурную модель любовно-авантюрного романа, которую затем рассмотрим в этих двух эпохах. Она представляет собой следующее: исключительно красивые и целомудренные юноша и девушка брачного возраста неожиданно встречаются друг с другом на празднике. Любовь, вспыхнувшая мгновенно, не может быть сразу оформлена официально (препятствиями становятся похищение невесты, несогласие родителей, нападение пиратов и т.д.). Влюбленные странствуют по свету, разлучаются и вновь встречаются по несколько раз, причем в промежутках их могут брать в плен и сажать в тюрьмы, на их свободу и невинность покушаются пираты и разбойники, властители и их слуги. Большую роль играют вещие сны и гадания, предсказания оракулов и предчувствия самих героев. Часта мнимая смерть одного из главных героев, но в итоге влюбленные воссоединяются в счастливом браке на радость родителям.

«Структурный подход к литературному произведению подразумевает, что тот или иной «прием» рассматривается не как отдельная материальная данность, а как функция с двумя, или чаще многими, образующими. Художественный эффект «приема» — всегда отношение, например, отношение текста к ожида-

нию читателя, эстетическим нормам эпохи, привычным сюжетным и иным штампам, жанровым закономерностям» [1]. Для нас важно, что модель романа воссоздает структуру изображаемых явлений жизни. Также мы исходим из определения, что у любой жанровой модели должны быть два качества: 1) качество прочности, инвариантивности, крепкой ядерной структуры, которая позволила бы жанру жить дальше; 2) широкое вариативное поле. Т.е., по своей модели жанровая разновидность любовно-авантюрный роман с одной стороны ядрена, а с другой стороны – вариативна, что и показывает данная статья.

Для данного исследования мы взяли романы из античной и византийской литературы. Эти эпохи были выбраны, т.к. в античности исследуемая нами разновидность формируется, а византийская литература стала правопреемницей античной. Вместе с тем условия формирования любовно-авантюрного романа и его адаптации в византийскую действительность отличались друг от друга, поэтому для исследования мы используем модель романа.

Между моделью и личностью автора существует двусторонняя обратная связь. Поскольку роман изначально относился к массовой «низовой» литературе, авторы должны были опираться на вкусы читающей публики, а, значит, романы были рассчитаны на грамотную, обеспеченную аудиторию, имеющую возможность посвятить часть своего времени чтению книги. В первом из исследуемых нами романов – «Эфесская повесть, или Габроком и Антия» Ксенофонта Эфесского – главными героями, чье поведение должно быть понятным и близким для восприятия читателя, выбрана супружеская чета Габроком и Антия, а основная идея романа – сохранение целомудрия влюбленной пары, несмотря на все испытания. Действия персонажей подчинены экономическим, политическим, религиозным, социальным и другим требованиям античного общества. Интерес читателя к сюжету произведения подогревается благодаря ситуациям, которые отходят от общепринятых норм. Например, взаимоотношения, складывающиеся между главными героями в романах, являются более желаемыми, нежели действительными, реальными. В античную эпоху брак между юношей и девушкой заключался посредством сговора родителей, при этом не редка была ситуация, когда брачащиеся видели друг друга прямо перед свадьбой. Поиск счастливой жизни за пределами своего государства, который предпринимают влюбленные, является следствием влияния космополитической политики Древней Греции. Задачей автора в античную эпоху было отражение жизненных идей в своем литературном произведении, при этом в силу специфики развития античной литературы реальный мир в романе часто сливался с фантастическим [5]. В этом нам видится тесная связь с устным народным творчеством и параллельно развивающимися с романом жанрами. Таким образом, автор «Эфесской повести» формирует не только структурную модель романа, но и моделирует поведение героев в нестандартных ситуациях.

Следующее произведение, «Левкиппа и Клитофонт» Ахилла Татия, рассмотрено нами, поскольку оно представляет собой взаимодействие текстов – гипертекстуальность - вторичную разработку структуры исходного текста в игровых целях [2]. Роман выступает как пародия на модель любовно-авантюрного романа. В качестве отхода от основных сюжетных мотивов и образов можно привести следующие примеры: неудовлетворительная аргументация мотива бегства героев, стремление к реалистичности в противовес принятому нереально-сказочному описанию событий, особый характер в плане обрисовки нравов и обычаев; наличие мнимого жертвоприношения Левкиппы, отсутствие идеальных супружеских пар (Клитофонт изменяет Левкиппе) и идеальных слуг (Сатир и Клио далеки от Левкона и Роды), снижение моральных качеств почти всех героев (в романе нет ярко выраженных положительных персонажей). Иронизируя по поводу устоев современного ему общества, Ахилл Татий использует художественные приемы описания картин, экфразы, монологи, вставные новеллы, которые насыщают произведение смысловой значимостью. Впервые, начиная с повествования от первого лица с возможностью передать личное отношение к происходящему, применяется психологическая, внутренняя характеристика персонажей, в которой отражаются их внутренние переживания. Таким образом, известная нам модель насыщается новыми оттенками.

Третье произведение, «Эфиопика, или Теаген и Хариклея» Гелиодора, на наш взгляд, является завершающим этапом в формировании любовно-авантюрного романа в античности. Созданный во второй четверти III в., этот роман описывает всю сложнейшую геополитическую и религиозную обстановку, которая сложилась к тому времени. Свообразие композиции романа (Гелиодор использовал перевернутую и рамочную композицию) объясняется занимательностью, к которой так стремился Гелиодор. Его задачами стали: создать произведение с традиционными классическими мифологическими матрицами, легко узнаваемое и полюбившееся современникам, и вместе с тем придать ему занимательности и увлечь читателя поступками героев, которые они могут совершить в разнообразных ситуациях, близких, но не похожих на обычную жизнь. При этом автор отказывается от устоявшихся стереотипов в изображении главных персонажей, и его Теаген и Хариклея получают жизненными и одновременно лишенными безупречной чистоты героев первых античных романов. Укрепление позиций христианской религии и ослабление языческой приводит к тому, что Гелиодор негативно изображает нехристианских богов. Таким образом, в античности происходит формирование модели любовно-авантюрного романа.

Византия, прямая наследница Древней Греции, обратилась к любовно-авантюрному роману лишь в XII в., когда прогрессивной формой художественного выражения стала аллегория. Именно аллегория как наиболее удачный способ выражения мыслей писателя, должна была стать носителем высоконравственных идеалов, что полностью удовлетворяло византийских священнослужителей, озабоченных адаптацией античного языческого наследия в условия нового византийского христианского общества. Количество грамотных людей увеличивается, круг читателей романов расширяется, авторам приходится уделять больше внимания читателю-женщине, однако книги продолжают оставаться в перечне развлечений, доступных обеспеченным людям. Представление в романе действительности как аллегории заставляет визан-

тийских авторов, использующих античные образцы, адаптировать античную модель к условиям византийского общества. В итоге сюжетная линия романа развивается параллельно в реальности и во сне, причем последняя более насыщена действиями, чем реальность.

Первый из исследуемых нами византийских романов - «Повесть о Исмине и Исминии» - создан Евмафием Макремволитом в первой половине XII в. и чаще всего характеризуется критиками как слепое подражание Ахиллу Татию и его роману «Левкиппа и Клитофонт». В качестве основы автор использует модель, разработанную в античной литературе: встреча героя и героини во время праздника, их внезапно вспыхнувшая любовь, бегство с помощью друга, разлука, продажа в рабство, испытание девственности, любовные преследования высокопоставленной особой, освобождение из плена и воссоединение молодой пары. Однако, рассмотрев роман, мы пришли к выводу, что в «Повести» не осталось места для бытовых моментов, скорее наоборот, Евмафий уводит читателей в мир снов, наполненный высокими и глубокими цитатами, больше напоминающий Гелиодора, нежели Ахилла Татия. Именно в многочисленных снах раскрывается внутренний мир персонажей, психологически сложный, наполненный противоречивыми чувствами любви и долга [3]. В снах герои позволяют себе более вольное поведение, чем в реальности. Взаимоотношения влюбленных узакониваются Эротом во сне, а затем скрепляются родителями Исминия и Исмины в храме Аполлона наяву. Таким образом, в романе Евмафия Макремволита сохранены языческие боги, а модель любовно-авантюрного романа адаптирована таким образом, что ней ощущается влияние христианской морали и выражены требования нового, византийского общества.

Следующий роман «Повесть о Дросилле и Харикле» Никиты Евгениана также создан в XII в. как попытка реализовать модель любовно-авантюрного романа на основе византийского образца – романа Феодора Продрома «Роданфа и Досикл». Роман написан шестистопным ямбом, с учетом византийских особенностей этого стиля. Выбор стихотворной беллетристики был обусловлен возросшим влиянием народной литературы на византийскую культуру в целом и на творчество писателя в частности [4]. Впервые в исследуемом нами романе дается детальная портретная характеристика героини, а в целом обрисовке характеров действующих лиц способствуют внешние события. Большое внимание уделено плачам персонажей, в которых они заявляют о своих намерениях, однако чаще всего эти намерения не реализуют в действительности. Языческие боги перемещены в сны персонажей, а руководит действиями героев Судьба. Таким образом, на примере двух модельных текстов византийской литературы видно, что античная модель романа сохраняется, однако в связи с изменениями в социальном, политическом, религиозном, экономическом, культурном и др. сферах, роман адаптируется к византийской действительности.

Источники и литература

1. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М., 1994. – С. 66–121.
2. Тынянов Ю.Н. Проблема литературной эволюции // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. – М., 1977.
3. Византийская любовная проза (Аристенет, Евмафий): Пер. с греч. С. В. Поляковой. – М.-Л.: Наука, 1965. – 310 с.
4. Алексидзе А.Д. Византийский роман XII в. и любовная повесть Никиты Евгениана // Никита Евгениан. Повесть о Дросилле и Харикле /Изд. подготовил, [пер. и сост. примеч.] Ф.А. Петровский. – М.: Наука, 1969. – С. 121-145.
5. Протопопова И.А. Ксенофонт Эфесский и поэтика иносказания. – М.: Изд-во РГГУ, 2001. – 470 с.

Яблоновская Н.В. ЕВРЕЙСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ НА СТРАНИЦАХ ЖУРНАЛА «МОЛОТ» (1906 Г.)

История еврейской прессы Крыма – тема, практически не затронутая в современных исследованиях. Даже в наиболее полной на сегодняшний день работе по истории периодики Таврии – монографии О.С. Хоменка «Дореволюционная периодическая печать Таврической губернии (1838-1916)» [16], где в указателе периодических изданий отмечены выходившие в начале XX в. еврейские журналы - «Молот» и «Молодая Иудея», в разделе «Национальные издания» еврейской периодике не уделяется внимания. В то же время указанные издания являются ценным источником сведений по истории полуострова, т.к. не только изображают жизнь еврейской общины начала XX в. и историю участия в первой русской революции ее представителей, но и дают уникальную картину восприятия революционных событий в Крыму сквозь призму этнического сознания. Все это делает изучение названных журналов **актуальным** с точки зрения как украинской журналистики, так и истории и этнографии.

Цель настоящей статьи – описание журнала «Молот» – крымского органа еврейской политической организации «Поалей-Цион».

Указанная цель определила целый ряд **задач** – раскрытие издательской истории журнала, основной тематической и идейной направленности его публикаций, и в частности, проблемы национального возрождения на его страницах.

Евреи являются одним из древнейших народов, населяющих Крымский полуостров: первые свидетельства о евреях в Крыму относятся к I в. до н.э. [17]. На рубеже XIX-XX вв., по данным переписи 1897 г., в Крыму постоянно проживало 24168 евреев, что составляло 4,42 % общего населения полуострова [18]. Однако до 1906 г. эта весьма внушительная часть жителей Крыма не имела своего печатного органа.

И. Гаспринский так описал современное ему положение евреев: «Во всех странах мира еврейский на-